
Клим Эйт
На школьном дворе светило солнце
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Клим Эйт

На школьном дворе светило солнце

https://litres.ru/74722764
SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать восемь. Семья, ребёнок, ипотека. Говорят, это и есть жизнь: «все как у людей». Я не знаю, когда именно мы с женой стали просто соседями. Наверное, примерно тогда же, когда в доме напротив зажёгся свет на балконе. Ей лет двадцать, у неё белые волосы и веснушки — она похожа на солнечный зайчик, случайно попавший в мой пыльный чулан. Я не искал её. Я просто начал чаще выходить курить.

Это история о повзрослевшем миллениале, у которого «всё есть», но нет самого главного. Тепла.

Содержание

Глава 1. Балкон напротив 4
Глава 2. За просмотр денег не берут 14
*** 24
*** 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Клим Эйт
На школьном дворе светило солнце

Глава 1. Балкон напротив

Какое странное дело: когда ты ждешь чувств от другого, тебе говорят, что ты скрытый абьюзер и это чертовски порицаемо в нашем новом миллениальском обществе. Каждый уважающий себя тридцатилетний в курсе: слияние ведет к потере себя и зависимости от другого человека. А нужно быть целостным и самодостаточным, да, Клим? А не половинкой. Будь хотя бы огрызком. Хорошая стратегия выживания в современном мире: ты сам по себе. Сам свой. Никому ничего не должен. И тебе — никто ничего. Если вы не слились воедино, то и расстаться гораздо проще. Сошлись – разошлись. На изи.

Но зачем же тогда нужны отношения? Зачем нужен брак?

Привет всем в этом чатике. Я Клим и я глубоко женат. Видимо поэтому я задаюсь такими вопросами.

Разве брак, отношения, согласие жить жизнь вместе —

называйте как хотите — это не договоренность о взаимной связи? «Я обещаю, что захочу чувствовать к тебе тепло, касаться, целовать, быть благодарным и уважать тебя, идти навстречу твоим желаниям не только сейчас, но и в будущем. И ты должна мне то же самое» — разве не это имеется в виду под словом «брак»?

Ах, нет?

Это штамп в паспорте? Социальный статус, говорите? Мерило успеха. Обязанность порядочного гражданина?

Но кому нужна чекин ради чекина? Пожалуй, в современном мире всё еще многим. Иначе бы Павел Дуров не зарабатывал столько денег, сколько он зарабатывает. Да и я сам — отметился в браке, поставил галочку, и что дальше? Функция выполнена, смысла ноль.

«Никто никому ничего не должен» — так и я жил с самой своей сепарации в двадцать лет. Нет, это не значит, что я мудак, который не может заботиться о ком-то, защищать, помогать. Просто я видел как живут мои родители – как соседи по коммуналке. Сколько себя помню. Однажды, когда мне было одиннадцать, я даже спросил у матери, как они с отцом продолжают любить друг друга столько лет. На что ее губы сжались в тонкую ниточку, а потом медленно натужно растянулись в кривой улыбке.

– В какой-то момент, – она уперла пальцы в переносицу и на секунду прикрыла глаза, – любовь трансформируется в уважение. Как я могу уйти от человека, с которым мы так

долго вместе, который заботится о нас? Понимаешь?

Я не понимал. Но уловил, что речь не о любви. А о чем-то другом. Я не хотел ждать этого от других и хотел иметь право отказываться от этого, если не считаю верным. Просто «нет» обязаловке. Всё добровольно, по взаимному согласию. «Абаюдна», как говорят интернет-мемы.

И женившись на Инге, пожалуй, я впервые хотел. Правда, хотел заботиться о ком-то. О ней.Хотел сохранить, заморозить наши отношения в той уютной стадии, в которой они находились: мы всерьез обсуждали, у какого моря хотим жить в старости, по выходным гоняли в гипермаркет, а после, объевшись до предела магазинных салатов, смотрели исторические лекции (ок, я смотрел, она — засыпала на моей груди). Тогда мы мечтали о детях и были готовы их делать регулярно. Но это было тогда — не сейчас.

Стоп. Вы заметили, да? Я сказал: «не жду», а потом расписал, как ждал именно от неё и желательно пока смерть не разлучит нас. Значит, врал себе? А может быть, это был просто мой юношеский максимализм? Или для неё я сделал исключение, а она не оправдала моих представлений? Но если это было исключение — то я сам нарушил контракт. Сам вручил ей ключ, а теперь злюсь, что она не открывает эту дверь. Ей и в коридоре нормально. Пиздец логика, Клим.

Почему мне кажется, что человек рядом со мной должен хотеть не только гладить мои рубашки, но и уделять мне внимание, делиться своими тревогами, желать меня до самых

своих последних дней жизни?

А, я — глупыш, который не может снять розовые очки? Видимо, они вросли в меня, вплавились в глаза и стали моей сетчаткой, если хотите.

Сам же сказал: «Тебе ничего не должны».

Но тогда и я не должен жить с человеком, который не готов быть близким со мной.

Вот с такой мыслью я обычно выхожу на балкон. Это моя курительная комната, мой кабинет психологической помощи и наблюдательный пункт одновременно. Инга говорит, что это моя «пещера». Она права. В пещере темно, сыро и можно слиться со сталактитами, а точнее с кучей коробок, которыми заставлен наш балкон. Стать сталактитом, сталагмитом — какая разница? Главное — затвердеть и никуда не двигаться.

Инга сейчас в спальне, наносит свой ночной крем. Шлеп-шлеп по щекам. Этот звук я узнаю из тысячи. Раньше он означал, что скоро мы ляжем в постель, и я положу руку ей на бедро, а она прижмется спиной. Теперь этот звук означает: «Не входи, идет процесс кремации». Мы — как два аккуратно упакованных в вакуумный пакет экспоната: не портимся, но и не взаимодействуем. У каждого пакет свой. Как и одеяла для сна. Не знаю, как скоро мы распилим кровать на две равноудаленные половинки лишь бы случайно не коснуться друг друга во сне? Добротные соседи. Коммуналка с одной ванной и четырехлетним сыном по имени Тим.

Кстати, о Тимофее. Ему четыре. Он единственный, кто еще не стыдится произносить в этой квартире: «Я тебя люблю!» — и бросаться на шею с бесхитросными клюющими поцелуями. Мы с Ингой так уже не делаем. Мы спрашиваем: «Ты вынес мусор?» и «Ты купила хлеб?». Наша страсть теперь измеряется в киловаттах и своевременно погашенных квитанциях. Черт, нет. Слово «страсть» даже как ирония звучит в этом тексте фальшиво и инородно. Просто вычеркните последние две строчки из памяти, ладно?

И вот — балкон.

Я закуриваю.

Знаю, знаю, мерзкая привычка, Тим будет курить из-за моего дурного примера, я плохой отец, да-да, давайте без этого.

Делаю глубокую затяжку и смотрю на улицу – окно в мир, вместо телевизора, которого у нас нет. Вон там, налево, фонарь, который если бы был человеком, страдал бы кучей разных неврозов. Он и в этой мигает так, будто нервный тик. Внизу, у помойки, периодически пробегают крысы, жирнее голубей. Заметить такую – на удачу, говорят жители нашего района. Нет, ну а что? Управляющая компания с ними никак не борется, нужно же психике как-то справляться?

А прямо напротив — яркий желтый дом. Наш район новый — земли мало, дома стоят близко. Так близко, словно и нет между нами узкой улочки. Я люблю просто оперевшись на перила рассматривать её и окна напротив.

Чужие окна — пятизвездочное реалити-шоу. Можно смотреть и додумывать. Вот там, наверху слева, кто-то живет правильно: задергивает штору, перед тем как включить свет, ложится ровно в десять. Там, где розовая подсветка, либо ботаники, либо наркодиллеры. Не понимаю кто ещё может так заморочиться, чтобы купить специальные лампы для растений. У меня нет своей лампы на балконе, а у горшка с землей — есть.

И каждый день в этих окнах дома напротив что-то происходит. Кто-то смеется, пьет вино, трахается на кухонном столе. У кого-то там пахнет базиликом и сексом, а не затхлыми бутылочками с водой и детским пластилином, который уже въелся в мою кожу.

В тот вечер, бесцельно бродя взглядом по рядам окон, я заметил её. Прямо напротив.

Точнее, сначала я заметил свет. Он был другой: не теплый, ламповый, а холодноватый, как от экрана ноутбука. И пятно.

Белое пятно.

Присмотрелся. Девушка. Молодая. Очень. Я свой «полтос» (ну ладно, тридцать восемь, но чувствую я себя на все пятьдесят) мысленно сравнил с её… ненавязчивой свежестью? Она сидела на своем балконе на каком-то худом складном стуле, поджав ноги, и работала, наверное. Белые, достаточно длинные волосы падали на лицо и плечи. Она их постоянно убирал за ухо, и это движение — такое небрежное, рассеянное — заставило меня замереть.

Я даже сигарету затушил. Чисто рефлекторно. Зачем? Не знаю. Может, приготовился бежать? Чтобы рассмотреть внимательнее? У неё, кажется, были веснушки. На переносице и под глазами. Их было видно даже с моего расстояния, потому что она сидела близко к экрану, и свет подсвечивал её лицо. И на бледной голубоватой коже они были не пыльцой, а такой щедрой шоколадной крошкой, которую бариста из местной кофейни насыпал тебе в качестве комплимента.

Ася. Я тогда еще не знал её имени. Для меня она был просто «Девушка-с-балкона». Или «Белое-солнце-пустыни». Я хохотнул про себя. Смешно. Мне не было смешно. Мне стало тревожно. Какая-то тень шевельнулась внутри — не в штанах, нет (пока нет), а где-то в районе диафрагмы.

Знаете это чувство? Когда ты идешь по торговому центру за женой с пакетами, смотришь на манекены, и вдруг видишь за стеклом живого человека, который делает что-то бессмысленно-прекрасное? Например, примеряет идиотские шляпы и фотографируется в них с друзьями. И ты понимаешь: что манекен – это как раз ты. Пластик, папье-маше, витрина успешной жизни. А свобода – она там, в шляпах.

Вот она – «Девушка-с-балкона» – была жизнью. И легкостью.

Сидела на своем убранном, не заваленном детским барахлом, шкафами, шинами балконе уперев локоть в голое колено, неспешно крутила в пальцах карандаш, хмурилась смотря в монитор и даже не замечала, что на таком же третьем

этаже как и у неё, только в доме напротив, кто-то завороженно наблюдает за каждым взмахом её ресниц.

Я стал выходить на балкон чаще. Каждый будний вечер, в одно и то же время — кажется, она действительно там работала. Потому что по выходным её не было.

Инга заметила, да. Она спросила: «Ты что, стал курить по две пачки в день? У тебя легкие почернеют, и я не буду за тобой ухаживать, когда они отвалятся».

Видите? Даже забота в такой формулировке звучит как отказ от обязательств. «Я не буду за тобой ухаживать». Никто никому ничего не должен. Она усвоила этот урок, видимо, лучше меня. Она — целостная, самодостаточная личность, которая не будет возиться с моими черными легкими, когда их поработит рак.

А я — половинка, которая хочет слияния. Розовые очки, вплавленные в сетчатку.

С каждым вечером я разглядывал «соседку» все детальнее. У неё были не просто длинные волосы — они вились на концах. И губы — полные, выразительные, как изгиб ангельского крылышка. Когда она задумывалась, она закусывала нижнюю губу. У меня сводило скулы. Я жадно наблюдал как зубы медленно проходятся по мякоти малинового цвета.

Собственно, так я и заметил, что у меня с возрастом начала прогрессировать дальнозоркость.

Девушка меня заметила тоже.

В первый раз она просто подняла голову, посмотрела рас-

сеянно в мою сторону и снова уткнулась в экран. Я испытал облегчение и досаду одновременно. Во второй раз она задержала взгляд. В третий — улыбнулась. Понимаете? Не ухмыльнулась, а именно улыбнулась. Открыто. Так, как улыбаются милым незнакомцам, говоря: «Ну, привет. Я тоже тебя вижу».

Я и правда был стар в сравнении с ней. И, возможно, малодушен.

Я отошел вглубь балкона, сердце колотилось где-то в горле. Меня засекли. Я — тот самый извращенец с биноклем (бинокля у меня нет, но сути это не меняет). Я подсматриваю за красотой, потому что в своей квартире красоты не осталось.

Не подумайте, что я оправдываюсь. Но может и оправдываюсь. Инга красивая. Когда мы начинали встречаться, я совершенно точно был уверен в этом. У нее острые скулы, темные длинные волосы. Но сейчас… у нее усталый взгляд и вечный хвост. И этот скользкий крем, которым она обмазывает все свое тело каждый вечер - ни поцеловать, ни обнять. И разговоры о том, что Тим опять ел козявки в саду.

А у Девушки-с-балкона не было разговоров о козявках. Она не отказывала мне потому что была недовольна своим телом. Она вообще не стеснялась под моим взглядом и будто не замечала его. У нее была тайна. Загадка. И она улыбнулась мне.

Я должен однажды увидеть ее вблизи.

Просто чтобы убедиться, что она настоящая.

А пока надену футболку поприличнее и причешусь. Перед тем как пойти курить в следующий раз.

Глава 2. За просмотр денег не берут

Инга выгнала меня.

Вернее нас с Тимом.

Сказала, что сегодня день генеральной уборки и отправила нас на самовыгул на улицу, чтобы не топтали её стерильные полы с запахом белизны. Что за нужда драить квартиру под вечер? Ладно, хочет махать тряпкой — пожалуйста. Но мы чем помешали? Меня, честно, раздражают такие причуды жены. Но проще согласиться с женщиной которая тычет в тебя шваброй, чем входить в рукопашный. Особенно если единоборствами ты в детстве не занимался, а она — да.

На школьном дворе светило солнце. Такое рыжее, закатное, заваливающееся за кроны деревьев, окружавших территорию местной школы. У нас хороший район, зеленый, свежий, чистый, хоть и на отшибе всего города. Мы даже не спальник. Так – область, провинция внутри провинции. Тут свой уютный мирок, которым я неожиданно проникся, когда мы с Ингой переехали сюда шесть лет назад. Знаете, один из многих удаленных кластеров по типу город в городе, которые сейчас активно строят под миллениалов, которые вошли в стадию активного размножения. В смысле, создания семей.

О да, здесь жило много молодых ячеек общества с детьми,

с собаками. Как только наступало лето, по вечерам все они вываливали в этот эпицентр культурной жизни — школьный двор. Я даже чувствовал себя немного неполноценной семьёй: у нас был всего лишь один ребёнок и никакого зверинца. У средней ячейки общества здесь было как минимум двое детей и собака. И все они сейчас были тут.

Я оставил Тима в яме для прыжков в длину — не знаю, зачем она современным школьникам. Физруки, думаю, даже не подозревают о её существовании в рамках учебной программы. А вот родителям телепузиков яма очень понравилась, и теперь это огромная песочница для мелочи. Дети неустанно копают метро под наш район, а родители сплетничают на лавочках рядом.

Сегодня, впрочем, было не так много людей – лето, видимо, все разъехались по дачам. Часть лавочек пустовала, часть была занята вещами спортсменов — футболисты и бегуны оставляли здесь свои рюкзаки и бутылки. Я присел на свободную и наблюдал за Тимом. Он в своей смешной панамке с кошачьими ушами сосредоточенно копал траншею вместе с парой других карапузов. А я в своей не менее идиотской футболке переживал ностальгию. Когда-то на ней был логотип турнира по Quake III Arena — теперь он выцвел до состояния древней фрески, которую археологи нашли бы и сказали: «Цифровая эпоха, ранний период». Инга, увидев меня в этом перед выходом, процедила: «Ты не наденешь это на люди». Я надел. Из вредности, наверное. Или из сентимен-

тальности. Сейчас я сидел на лавочке в футболке, которая помнила меня молодым, и чувствовал себя так, будто от меня остался только выцветший принт.

Наш брак с Ингой был стабильным. Последний год я стабильно задавался вопросом: как понять, что я всё ещё её люблю?

Мы официально женаты, есть ребёнок, мы редко ссоримся, умеем договариваться про финансы. Но достаточно ли этого, чтобы любить друг друга? Могу ли я разлюбить? Как пойму? А она меня? Это вообще законно?

Мысли метались как футболисты на поле передо мной. Туда-сюда, пинали мяч, не могли принять пас, никто не забегал вперёд. Возня. Вот почему я с местными почти не играю. Никакой тактики, никаких усилий. Приходят потрепаться, а не выиграть.

Точно как я в своей голове.

Мог бы я полюбить сейчас кого-то другого? Просто как альтернативное развитие событий. Просто чтобы понять, люблю ли я Ингу. Двоих ведь сразу любить невозможно.

На ум пришла Девушка-с-балкона. Мог бы я влюбиться в неё? Ох. Эта мысль чувствовалась как потенциальная угроза. Опасно. Очень опасно. Только вот… где начинается измена? Нет. Пожалуй, нет. Я не планировал изменять.

А мог бы?

Пожалуй, нет. Мне всегда казалось, что верность — это само собой разумеющееся. А если не можешь — зачем тогда

отношения? Живи блудную жизнь, наслаждайся. К чему все эти приседания с годовщинами и выращиванием детей?

Но в последние недели я порастерял уверенность. Девушка-с-балкона прочно поселилась в моих грезах. Где-то я, может, испытывал за это стыд. За то, что думал о ней: выходя из подъезда, ложась в постель, и даже в офисе на особо скучных собраниях. Но это же не измена. Нельзя изменить мыслями.

Нельзя же?

Говорят, если один раз сделал — будешь мучиться виной всю жизнь. Или раскаешься партнёру, но это разрушит отношения навсегда. Даже если тебя «простили». Сам факт будет висеть дамокловым мечом. Прекрасное событие останется с вами навсегда, как спутник на орбите: то приближается, то отдаляется. Как бегуны на треке вокруг футбольного поля.

Я проследил за женщиной в кепке, которая, высоко поднимая колени, пробежала мимо. У неё были красивые тренированные ноги.

Я правда буду мучиться виной до конца своих дней, если изменю Инге? Или есть шанс договориться с совестью?

Женщину, за которой я следил взглядом, обогнала невысокая молодая девушка в белой футболке и чёрных шортах. Я поднял взгляд на её волосы и замер.

Белый пучок, растрепавшийся от бега. Точь-в-точь как у Девушки-с-балкона.

Не может быть. Просто не может быть.

Она же существует только там, на этих двух квадратных

метрах. Её среда обитания — балкон.

Девушка вышла на параллельную прямую, и я смог разглядеть её лучше. Руки, сжатые в кулаки, ритмично ходили у небольшой груди. Рот приоткрывался синхронно с левой ногой. Глаза скрывали узкие очки-хамелеоны. Но они не скрывали крупные веснушки на по-детски круглых щеках.

Клянусь, это была она.

Я запаниковал. Что делать? В каких мы вообще отношениях? Я должен поздороваться? Помахать? Отправить воздушный поцелуй? Отлично, Клим, молодец. Третье — идеальный вариант. Выгляди как кретин или маньяк, который уже выбрал жертву. Прямо твой стиль обольщения.

Сделать вид, что не заметил? Схватить Тима вместе с ведёрком и, перепрыгивая через двухметровый забор, убежать в закат, разбрасывая песок? Достойный вариант.

Я уже был готов рвануть с лавочки, когда заметил, что, сделав круг, Девушка-с-балкона замедлилась до шага и — о, ужас! — направлялась в сторону лавочек.

Прямо к моей лавочке.

То есть не к моей, а к соседней. Там лежали чьи-то вещи — поясная сумка, бутылка с водой, свёрнутая кушуром толстовка. Она остановилась, упёрла руки в бока, тяжело дыша. Пот стекал по вискам, несколько белых прядей прилипло ко лбу. Без очков-хамелеонов, которые она сдёрнула на ходу, её лицо было открытым — раскрасневшееся, с этими невозможными веснушками, которые я разглядел ещё с балкона.

Сейчас, на расстоянии вытянутой руки, они были не просто шоколадной крошкой. Это была целая россыпь, звёздная карта, по которой можно было бы прокладывать маршруты вниз, к плечам под влажной футболкой.

Я подался вперед, будто вовсе не рассматривал я её. Это она загораживал мне обзор на яму с детьми. Сделал вид, что очень увлечён тем, как Тим насыпает песок себе в панамку. Очень важное дело. Гораздо важнее, чем смотреть на хрупкую девушку в коротких шортах, чья грудь вздымалась слишком откровенно.

Не смотри туда, не смотри. Твоя цель — мелкий пацан в песочнице, похожий на тебя.

— Хорошая погода, — сказал она, длинно выдыхая.

Я не отреагировал. Потому что, очевидно, она обращалась не ко мне. Вокруг были люди, лавочки, футболисты, бегуны, мамочки с колясками. Мало ли кому адресована фраза про погоду? Или что ещё вероятнее, это просто ролф. Если я обернусь, то увижу как нас снимают её подружки. Ну знаете все эти пранки…

— Здесь всегда так людно по выходным? — снова её голос.

Я повернул голову. Стоя вполоборота, она вытирала лицо краем футболки. Под футболкой мелькнул живот. Плоский, с легкими полосками вдоль косых мышц, уходящими под резинку шорт. Удивительно, какая она тонкая.

— А... мне? — спросил я голосом, который показался мне

самому каким-то чужим. Слишком высоким и потерянным.

Она улыбнулась. Не так, как на балконе — та улыбка была через стекло, через расстояние, через улицу. А эта… была выстрелом в упор. Уголки губ дрогнули, на щеках проступили очаровательные ямочки, которых я раньше не замечал. Да и откуда бы?

— Ну не им же, — она мягко усмехнулась и кивнула себе за спину, на детей возившихся в песочнице.

Я проследил за движением взглядом. Тим в этот момент деловито ссыпал песок с панамки обратно в яму. Кажется, он даже не заметил, что его отец только что пережил микроинфаркт от того, что с ним заговорила красивая молодая девушка.

— Простите, задумался, — сказал я. — Да. То есть... да, людновато. В хорошую погоду все выползают. Как тараканы. В хорошем смысле.

Тараканы? Ты только что назвал её тараканом? Отлично, Клим. Продолжай.

Но она лишь рассмеялась, коротко выдыхая, всё ещё восстанавливая дыхание после бега.

— Я тоже таракан теперь. Только переехала. Сняла квартиру вон там. — Она вытянула руку куда-то за моё плечо, в сторону нашего дома, и прищурилась, глядя на меня. — Пока осваиваюсь.

Я знал, где она сняла квартиру. Я знал, на каком этаже, знал, что у неё складной стул, ноутбук, карандаш в пальцах и

привычка закусывать губу, когда она задумывается. Я знал, что по выходным её балкон тёмный, потому что она, видимо, вот — бегает здесь. Или тусуется со своими молодыми красивыми подружками. Или занимается чем-то, чего я не мог разглядеть в свои сорок минут ежевечернего дежурства.

— Далеко бегаете? — спросил я, просто чтобы что-то спросить. Потому что она молчала. Стояла, чуть покачиваясь бедрами из стороны в сторону. И не уходила.

— По-разному, — сказала она. — Иногда три километра, иногда пять. В зависимости от сложности бытия.

— Философия – это полезно, — кивнул я. — Я вот не бегаю.

— А зря. Снимает стресс.

— Я курю.

Она посмотрела на меня внимательно — не осуждающе, а скорее с любопытством, будто говоря «я знаю». Конечно же она знала. Не могла не знать.

— Ваш? — она кивнула на Тима, который теперь пытался надеть ведёрко на голову вместо панамки.

— Мой.

— Красавчик, — сказала она просто.

Мое сердце грохнуло об ребра. Комплимент Тиму, но будто она сказала это мне. Как же ты жалок, Клим. Словно двадцатилетний девственник.

— Панамка классная.

И в этом «панамка классная» было что-то такое... простое.

Без слащавого «ой какой милый мальчик», как любят сюсюкать женщины. Без льстивого «вы, наверное, хороший отец» – хотя с чего ей мне льстить? Просто панамка классная. И все тут.

Я почувствовал, как что-то внутри меня ослабло. Какой-то узел, который я затягивал последние пятнадцать минут, пока она бежала свои круги, а я сидел и паниковал. Она знает, что у меня есть ребенок и все равно разговаривает со мной. Не отшатнулась, как от чумного. Невероятно.

— Я Клим, — сказал я видимо в состоянии аффекта и расправил плечи офисного планктона. Как будто мы сейчас будем подписывать контракт на поставку оборудования.

Она посмотрела на меня. О, я знаю этот взгляд, который появляется у тех, кто впервые слышит мое имя. Ты не ожидала, что никакой я не Леша и не Саша, да, крошка?

— Ася, – ответила она.

Что ж, мы квиты.

— Необычное имя.

— Бабушка – учитель литературы и по совместительству поклонница Тургенева. Родители были не против,— сказала она. И, помедлив, добавила: — Хорошо, что не Муму.

Я фыркнул, пытаясь сдержать смех. Кажется, она вообще без комплексов.

— Ася лучше, — вслух сказал я.

— Я тоже так думаю.

Ася наклонилась, подхватила свою бутылку с водой, сде-

лала несколько жадных глотков. Капля скатилась из уголка губ по подбородку, упала на футболку.

Я ослеп.

— Увидимся, — сказала она, забирая со скамейки сумку и худи. – Клим.

— Увидимся, — эхом отозвался я.

И она ушла. Лёгкой походкой, всё ещё немного пружинящей после бега. Я смотрел ей вслед и думал о том, что фраза «увидимся» может значить всё что угодно. «Увидимся» — как «я ещё забегу на этот стадион». «Увидимся» — как «мы живём в одном районе и будем пересекаться у помойки». «Увидимся» — как...

Я не знал, как ещё.

Тим наконец справился с ведёрком и теперь сидел в песочнице, похожий на маленького жреца, приносящего дары божеству Сахары.

— Пап, — сказал он громко. — Почему ты красный?

— Солнце, — сказал я. — Просто солнце. Копай давай, не отвлекайся.

***

Она видела меня в футболке турнира 2005 года. Какой позор. А Инга говорила! Знала, что так и случится. Слушай, Клим, слушай свою святую, мудрую жену в следующий раз, если не хочешь, чтобы красивая молодая девушка знала, что ты древнее египетских пирамид. Хотя о чём я? Ася, наверное, ещё даже не родилась тогда, когда я резался в Quake. Вблизи она выглядела ещё моложе, чем мне казалось. Юная. И голос совсем девичий — тоненький. Кажется, она успела загореть, или это закатное солнце так красиво золотило её кожу. Ох. Очень, очень красиво.

И совершенно не укладывалось в моей голове.

Нет, конечно, пару раз ко мне подходили девушки первыми чтобы познакомиться. Но это было так давно, что стыдно считать. Чуть ли не в университете. После появления семьи со мной на улице не заговаривает никто, кроме бабок, которым нужно помочь спустить чемодан по лестнице. И я ещё сомневаюсь, чемодан ли им нужен или просто повод.

И тут — Ася. Сама. Подошла. Заговорила.

Странно. Очень странно.

Ведь есть же стереотип, что женщины первыми не проявляют инициативу. Я раньше как-то об этом сильно не задумывался. А теперь как задумался. Если женщины первыми не знакомятся, то кто это сейчас была? Не девушка с мягким

именем Ася. Камера. Точно. Где-то в кустах камера. Меня точно покажут на всех платформах. Кто-нибудь узнает моё перекошенное ужасом лицо и расскажет Инге, как я гуляю с Тимом и веду светские беседы с молодыми девушками в коротких шортиках. Расскажет о моей измене. Ещё до того, как я её совершил.

Чтобы успокоиться, я полез за братской поддержкой на Реддит.

В треде под моим вопросом собрался целый совет диванных экспертов. Один рассказал, что с ним знакомятся только цыганки. Другой пожаловался, что ему сорок один и с ним такое ещё не происходило и уже не произойдёт, — его поддержали ещё семьдесят человек. Третий с грустью сообщил, что такое случалось с ним только после женитьбы. С четвёртым это произошло, когда он возвращался с похорон в строгом костюме и с укладкой. В целом, все собравшиеся в обсуждении согласились, что девушки могут подойти к тебе первыми только ради пранка. Искренние знакомства — скорее исключение, к которому никто из нас не был бы готов.

От этого мне стало тошно. И ещё больше жаль себя.

Потому что мне хотелось увидеть Асю вновь. Не просто на балконе. А ближе, гораздо ближе. Мне хотелось, чтобы это не было шуткой.

Она же сказала «Увидимся»? Она сказала. Дежурная фраза одного вежливого соседа другому. А я уже думал «Когда?»

Поэтому в следующую субботу я собственноручно сломал свои железные принципы, растоптал гордость и, оставив своих дома, первым отметился на футбольном поле. Да, да, на том самом, где куча кривоногих мужиков стоит и лениво поглядывает на мяч. Я помню свои слова. Надел лучшие — единственные — шорты и белую футболку с логотипом любительской команды, в которой играл до того, как мы переехали на другой конец города с Ингой. На спине красовался мой счастливый номер — 88. Бесконечность. Бесконечное количество голов и унижений для соперника. Именно так я отвечал на вопрос «Почему 88?» Ну и да, это был мой год рождения. Надеюсь, Ася не соединит точки, и ответ про бесконечность её удовлетворит. Скажу: «Могу бесконечно...» — сделаю интригующую паузу, чтобы она успела додумать, а потом закончу: «...забивать голы. А ты о чём подумала?» О да, это очень сексуально.

Но Ася так и не появилась на школьном дворе. Появилась только дикая отдышка уже на десятой минуте матча.

Я вернулся домой мокрый, злой и без Аси. Инга открыла дверь, оглядела меня с ног до головы и сказала:

— Ты еле идёшь.

— Нормально, — ответил я и рухнул в коридоре, пытаясь расшнуровать бутсы, не сгибая спины. Спина не сгибалась. Кажется, я потянул что-то, о существовании чего даже не подозревал.

— Может, хватит этого футбола? — спросила она. — Ты

же не двадцатилетний.

— Мне тридцать восемь, — процедил я. — Не семьдесят.

— Ну-ну.

Она ушла на кухню, а я остался сидеть на полу в прихожей, пахнущий потом и поражением, и думал о том, что «ну-ну» в устах жены — это самое уничтожающее, что может услышать мужчина. Хуже, чем «ты не наденешь это на люди». Хуже, чем «я же тебе говорила».

Может быть, Ася тренируется через день? Поэтому в воскресенье я, превозмогая ломящую кости боль, снова пришёл на поле. Два дня подряд. Ради человека, с которым поговорил ровно три минуты. Отлично, Клим. Здорово. Ты в порядке. Скажи мне, что ты в порядке.

Аси не было.

Всё, чем я довольствовался следующую неделю — адская боль в мышцах, сделавшая из меня робота в каждом шаге, и Девушка-с-балкона. Ася как и раньше изо дня в день появлялась там во второй половине дня. Работала, пила чай, закусывала губу, чесала нос карандашом. Никаких знаков. Ни единого взгляда в мою сторону.

А вдруг она сказала «Увидимся» из вежливости? К моему почтенному возрасту. Или вдруг она подумала, что я скуф, и решила, что не хочет случайно пересечься со мной ещё раз? В один из вечеров я даже разглядывал себя в зеркале в ванной. Лицо как лицо, может слегка помятое жизнью. А может кто-то решит что брутальное. К мужскому лицу объективно

меньше требований. Главное, чтобы бицепс жал. И без пивного живота. Я втянул живот. Выдохнул. Живот вернулся. Да, уже не поджарый, без кубиков пресса. Напряг бицепсы — эти ещё на месте. Затёкшие, как будто я просто на массе. Да, на массе. Долгосрочной, стратегической, пятилетней. Подходящая легенда.

И всё же я глянул абонемент в спортзал рядом с офисом. Есть ещё неделя до следующего футбола, чтобы привести себя в форму перед абсолютно случайной встречей на школьном дворе.

Не надо на меня так смотреть, слышите? Я не изменяю Инге. Я просто хочу посмотреть. Как в музее. Искусство должно быть доступно народу. За просмотр денег не берут.

***

В следующую субботу тело всё ещё болело. Не так, чтобы я не мог ходить — я вполне себе ходил, только лестницы давались с таким звуковым сопровождением, будто я озвучивал порнофильм для пенсионеров. Каждое «ох» и «ааа» эхом разносилось по подъезду. Соседи, наверное, думали, что у нас с Ингой наладилась личная жизнь.

Ха-ха.

Нет.

Я все же пошёл вечером на футбол. Сам не знаю зачем. Точнее, знаю — врать себе я давно разучился, только врать другим ещё получалось. Я шёл на футбол, потому что была крошечная, идиотская, совершенно необоснованная надежда, что она там будет. Будет бегать по треку, смотреть как я обвожу старых пердунов и красиво забиваю с левой. Ладно. Хотя бы просто сидеть на лавочке. Хотя бы просто проходить мимо. Я не просил многого. Просто ещё один разговор. Ещё одно «Увидимся». Ещё одну улыбку, от которой у меня внутри все переворачивалось.

На школьном дворе светило солнце. Первый тайм я отыграл как мешок с картошкой, который забыли на поле и теперь все об него спотыкались. Ноги не бежали, лёгкие стремились наружу, а мысли были где-то за пределами поля. В перерыве я поплёлся к лавочкам за водой и чуть не застыл

на полушаге как последний кретин.

Ася сидела на той самой лавочке, где мы заговорили в первый раз. В чёрных беговых шортах, не прикрывающих и половины бедра, в светлой футболке, волосы собраны в хвост, из которого уже выбились пряди. Она копался в телефоне, хмурилась, тыкала в экран, потом с досадой сдёрнула наушники и отложила телефон на сумку.

Я сделал вид, что не заметил её. Очень натурально. Так натурально, что прошёл мимо своей лавочки, сделал круг и вернулся с другой стороны, будто что-то искал.

— Чёрт, — сказал я вслух, изображая растерянность.

— Эй, – Ася подняла голову. Узнала. Уголки губ дрогнули. – Привет.

— А? — я повернул голову с таким удивлением, будто только что обнаружил перед собой живого человека, а не всю дорогу шёл к ней через поле, как самонаводящаяся ракета. — О, Ася, да? Привет. Не видел тебя… тут.

— Я только подошла, — сказала она. — Думала пробежаться, но гаджеты против меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.